Глава 219: Как много вы знаете о прошлом? (Часть II)

Этот набор слов был очень грубым, как и логика, стоящая за ними, но как камень, он был довольно прочным и его невозможно было опровергнуть. Мавзолей Книг был такого рода особым местом. Если вы не заботились о старшинстве, не боялись никого, то в этом месте не нужно было бояться никого. Перед Небесными Монолитами все были равны.

Тело Цзи Цзиня задрожало от ярости. С дрожащим голосом он сказал: «Очень хорошо, очень хорошо, и из какой ты семьи, раз на самом деле смеешь...»

«Вы хотите знать мое происхождение, чтобы заставить людей за пределами мавзолея разобраться со мной?»

Без малейшей капли беспокойства на его лице, Танг Тридцать Шесть заявил: «Я - единственный внук Тангов из Вэнь Шуй. Если Поместье Древа Ученых готово обидеть моего уважаемого дедушку, то они могут попробовать».

Никто не хотел обидеть Тангов из Вэнь Шуй, даже Божественная Императрица относилась к тому одинокому, почтенному старику с самой нежной заботой. В худшем случае, она называла его педантичным и упрямым. Это было потому, что у Тангов была тысяча лет скрытых резервов, потому что у Тангов были ужасающие стратегии и техники, а самое главное, потому что Танги были богаты. Очень богаты.

Теперь, когда Цзи Цзинь знал личность Танга Тридцать Шесть, его лицо стало пепельным, а рукава его робы дрогнули. У него действительно не было способа ответить ему. Конечно, он мог бы покрасоваться правилами Мавзолея Книг и непосредственно дисциплинировать Танга Тридцать Шесть, но это означало бы, что он больше не сможет оставаться в мавзолее. Как Страж Монолитов, штрафы, с которыми он столкнется, будут еще более серьезными.

С тех пор, как он вступил в Ортодоксальную Академию, Танг Тридцать Шесть много раз оказывался весьма наглым, а его рот был заполнен ругательствами. В действительности это был мятежный характер юношества, а также компенсировал спокойную природу Чэнь Чан Шэна. Тем не менее, как мог отпрыск большой семьи, как он, не иметь достаточной мудрости? Прекрати, пока ты впереди! Танг Тридцать Шесть практиковал эти четыре слова больше, чем кто-либо другой. Он подошел к передней части монолитной хижины, и без паузы взял руку Чэнь Чан Шэна и начал спускаться по горной тропе из мавзолея. Когда они шли обратно вниз, он пробормотал: «Посмотри, что ты наделал. Когда ты споришь, ты даже не можешь переспорить кого-то, ты действительно приносишь стыд нашей Ортодоксальной Академии».

Гоу Хань Ши горько рассмеялся и покачал головой. Он сделал жест почтения Мистеру Нянь Гуан и тоже последовал за парой вниз по горе.

Люди вокруг монолитной хижины посмотрели друг на друга в смятении. Свет масляной лампы, висевшей на дереве, становился все более тусклым. Это было так, как будто ничего не произошло здесь.

По горной тропе они проделали свой путь в леса вокруг мавзолея. Перепрыгнув через канал, который протекал параллельно основной дороге, они оказались в апельсиновой роще. Темнота сделала лес довольно мрачным, но сегодня звезды, казалось, светили невероятно ярко, немного уменьшая это чувство. Чэнь Чан Шэн посмотрел на блестящий пояс Танга Тридцать Шесть и спросил: «Зачем ты украсил себя столькими драгоценными камнями и несешь воздух богатства сегодня вечером?»

«В Вэнь Шуй люди лишь говорят кому-то, что они несут воздух богатства, лишь когда хотят поссориться. В будущем, пожалуйста, не описывай меня такими словами». Танг Тридцать Шесть упрекнул его, а затем объяснил: «Я проснулся в середине ночи и понял, что вы оба отсутствовали, потому пошел искать вас двоих. Я был в такой спешке уйти, что наугад схватил ремень из моей сумки. У меня не было времени, чтобы выяснить, подходит он или нет».

Чэнь Чан Шэн искренне ответил: «К счастью ты не схватил ту меховую кожу, иначе тебя бы могли принять за медведя в мавзолее».

Танг Тридцать Шесть прищелкнул языком. «Так значит, получается, что ты знаешь, как глумиться и высмеивать, то почему там ты был таким тихоней? Или ты только знаешь, как делать это со своими людьми?»

Чэнь Чан Шэн покачал головой. Он действительно не мог продолжать это. Он обратил свои мысли к этой паре инцидентов, которая произошла на рассвете и ночью. Озадаченный, он спросил: «Почему этот господин Цзи Цзинь принял такие действия?»

«Раньше люди считали, что Его Высокопреосвященство и другие старейшины лишь хотели использовать тебя, чтобы возродить Ортодоксальную Академию, но после Великого Испытания они поняли, что его Святейшество также ценил тебя. Те, кто лоялен Божественной Императрице, естественно, стали нервничать. Южные секты никогда не принимали правление Дворца Ли, так что они были убеждены теми людьми, чтобы подавить тебя. Это довольно обычная практика».

Когда Танг Тридцать Шесть упомянул южные секты, он бросил взгляд на Гоу Хань Ши.

Гоу Хань Ши улыбнулся, но ничего не добавил.

Чэнь Чан Шэн подумал над этим, а потом сказал: «Может быть, это и есть причина, но настроение господина Цзи Цзинь было явно встревоженным».

Танг Тридцать Шесть ответил: «Тогда я не знаю».

«Не все Стражи Монолитов имеют сердца такие же безмятежные, как стоячая вода. Даже если им удавалось делать это, когда они впервые вошли в мавзолей, с течением времени, когда их культивация перестает прогрессировать, некоторые Стражи Монолитов неизбежно начинают чувствовать раскаяние. Они чувствуют себя ограниченными своими прошлыми обетами и ограничениями Мавзолея Книг. Они не смеют уходить, но в их умах очень легко начинают проявляться проблемы».

Гоу Хань Ши продолжил: «Если добавить мое собственное мнение, возможно Цзи Цзинь чувствовал, что Сюнь Мэй очень вероятно станет Стражем Монолитов, но затем Сюнь Мэй неожиданно предпринял тот решительный и доблестный курс действий прошлой ночью. В конце концов, его душа вернулась в море звезд, что также можно считать уходом из Мавзолея Книг. Хотя на самом деле это имеет очень мало общего с нами, он чувствует, что все таки оно связано с нами. Он неизбежно выбрал выразить свое разочарование на нас».

Чэнь Чан Шэн хотел спросить, если Цзи Цзинь не хотел больше оставаться в мавзолее, как Страж Монолитов, то он должен был быть счастлив, что господин Сюнь Мэй смог покинуть мавзолей и не взял на себя роль Стража Монолитов? Почему вместо этого у него возникло такое сильное негодование? Он вдруг осознал, что это был один из тех печальных вопросов человеческой природы, и он лишь покачал головой.

Танг Тридцать Шесть добавил: «Всегда считалось, что Стражи Мавзолея Книг были несколько ненормальными и непривлекательными, но если присмотреться поближе, эти правила ненормальные сами по себе.

Чэнь Чан Шэн согласился. «Это правда, что они несколько негуманны, но я действительно не знаю, как они их придумали».

Гоу Хань Ши ответил: «Небесные Монолиты действительно слишком заманчивы для культиваторов. Кроме того, Стражи Монолитов занимают особое положение в Мавзолее Книг. Каждый год ученики из сект входят в мавзолей и пытаются заручиться их поддержкой. Этого господина Нянь Гуан также, совершенно очевидно, призвали действовать какие-то влиятельные фигуры в Ортодоксии, заставив его играть роль медиатора».

Танг Тридцать Шесть ответил: «Это должно быть так, но я не доверяю Нянь Гуану».

Чэнь Чан Шэн вспомнил, что Танг Тридцать Шесть был крайне неуважительным по отношению к этому добродетельному и честному господину. «Почему?» - спросил он в некотором недоумении.

Танг Тридцать Шесть ответил: «Мистер Нянь Гуан пришел из Академии Жрецов. В прошлом кое-какие гении из Ортодоксальной Академии нанесли ему жестокий удар. В своей ярости он принес кровавую клятву и стал Стражем Монолитов. Ты - надежда на возрождение Ортодоксальной Академии, так как он может искренне заботиться о твоем благополучии?»

Для Чэнь Чан Шэна Ортодоксальная Академия была старым, преклонным и разбитым парком, холодным и невеселым набором руин. Ему было просто невозможно представить такую историческую сцену.

«Была ли Ортодоксальная Академия тогда очень высокомерной?»

Танг Тридцать Шесть бросил еще один взгляд на Гоу Хань Ши, прежде чем сказать: «Она была еще более высокомерной, чем текущая Секта Меча Горы Ли».

Гоу Хань Ши не ответил. Он не считал, что Секта Горы Ли была высокомерной, но он молчаливо согласился с подобной интерпретацией.

После минуты молчания Танг Тридцать Шесть добавил: «Хотя эти несравнимо высокомерные гении все мертвы».

От этих слов Чэнь Чан Шэн стал весьма озадачен. Через мгновение он подумал об одном деле и спросил Гоу Хань Ши: «Есть ли в Мавзолее Книг Стражи Монолитов, которые пришли с Горы Ли?»

«В прошлом были, но потом Боевой Дедушка ворвался в мавзолей, сделал упреки двум господинам, а затем забрал их обратно на Гору Ли».

Чэнь Чан Шэн был ошеломлен. ‘На самом деле был кто-то, кто так грубо проигнорировал правила мавзолея’, - подумал он про себя. Был ли Боевой Дедушка, которого он упомянул, Легендарным Младшим Боевым Дядей Горы Ли?

Выражение Танга Тридцать Шесть не изменилось. Очевидно, что он слышал эту историю раньше.

Чэнь Чан Шэн с любопытством спросил: «А эти два господина? Они не получили какого-либо наказания?»

Гоу Хань Ши ответил: «Эти два господина в настоящее время старейшины Зала Дисциплины Горы Ли».

Танг Тридцать Шесть дополнил: «Ты разве не слышал фразу, что, чей меч самый быстрый, тот и устанавливает правила».

То, в чем Чэнь Чан Шэн был заинтересован еще больше, были слова Младшего Боевого Дяди Горы Ли, которыми он выругал двух членов своей секты.

Гоу Хань Ши ответил: «Боевой Дедушка сказал, что они не могут тратить свои ограниченные жизни на неограниченные пустяковые вопросы».

«Пустяковые вопросы?» - спросил Чэнь.

«Да, Боевой Дедушка всегда считал, что культивация - это пустяковой вопрос».

Чэнь Чан Шэн ничего не мог сказать на эти слова.

Когда он подумал о том легендарном Младшем Боевом Дяде, он вдруг почувствовал, что весь на его плечах стал гораздо тяжелее, словно тень покрыла звездное небо.

В Мавзолее Книг они жили с Сектой Меча Горы Ли под одной крышей, но это не значило, что их враги вдруг станут друзьями. Спокойное и мягкое поведение Гоу Хань Ши ничего не символизировала. Оно было больше похоже на Гуань Фэй Бая и Ци Цзянь, которые отчетливо ненавидели Ортодоксальную Академию, и причиной их недовольства было имя Цю Шань Цзюнь, разделяя обе стороны и заканчивая все надежды на примирение.

Когда они прибыли к травяной хижине и прошли через забор, Гоу Хань Ши вдруг повернулся к Тангу Тридцать Шесть и сказал: «Я не благородный человек».

Чэнь Чан Шэн ничего не говорил, а брови Танга Тридцать Шесть подпрыгнули вверх. Он развел руками и сказал: «Ты - тот, кто сказал это, не я».

Гоу Хань Ши спокойно и твердо продолжил: «Так что для меня невозможно быть лицемером»

(Прим.пер. □□ - благородный человек, но □□□ - лицемер. Это антонимы в китайском языке).

После момента молчания Танг Тридцать Шесть спросил: «И?»

Гоу Хань Ши улыбнулся. «В следующий раз, когда ты назовешь меня лицемером, я изобью тебя».

На следующий день в пять утра Чэнь Чан Шэн встал по графику. Он направился на кухню и сварил большой горшок каши, съел две тарелки, но не отправился изучать монолиты. Вместо этого он взял тетрадь Сюнь Мэя и начал читать ее в утреннем свете. В правой руке он держал кисть, которой непрерывно что-то записывал на листе бумаги. Но он не знал точно, что он писал, но по крайней мере это не было словами.

Молодежь в соломенной хижине начала просыпаться один за другим. После того, как они съели немного каши, они отправились к мавзолею. Прежде чем Гоу Хань Ши ушел, он поприветствовал Чэнь Чан Шэна. Когда Гуань Фэй Бай уходил, он сказал Чэнь Чан Шэну: «Не

думай, что если ты будешь готовить еду мне каждый день, я стану твоим знакомым». Ци Цзянь несколько нервно сказал: «Я стану твоим знакомым, но не буду твоим другом». Чэнь Чан Шэн усмехнулся и спросил: «почему?» Ци Цзянь сказал, что это было потому, что их старший брат не хотел бы этого. Танг Тридцать Шесть давно проснулся, но он откладывал, и ушел последним. Под любознательным взглядом Чэнь Чан Шэна, он торжественно сказал: «Это абсолютно не потому, что я боюсь, что Гоу Хань Ши будет бить меня».

Затем к удивлению Чэнь Чан Шэна, после того, как прошло не так много времени, Танг Тридцать Шесть вернулся в соломенную хижину с мрачным лицом и вытащил Чэнь Чан Шэна наружу.

«Что не так?»

«Чжун Хуэй… пробивается в следующую стадию».

Передняя часть монолитной хижины была переполнена людьми, образуя плотную массу. Чэнь Чан Шэн сделал беглый взгляд и по его оценке здесь было около ста человек. Около сорока из них были испытуемыми Великого Испытания в этом году, пять были Стражами Монолитов в белых робах, а остальные были теми, кто пришел для изучения монолитов в прошлом и никогда не покидал Мавзолей Книг. За прошлые два дня все эти люди были в разных монолитных хижинах, индивидуально культивируя, не взаимодействуя с новыми пришедшими. Тем не менее, все они вдруг появились перед Отражающим Монолитом. Неожиданно они знали, что что-то большое должно произойти.

Чжун Хуэй сидел, скрестив ноги, перед монолитной хижиной, закрыв глаза, а его тело было окружено туманом.

Цзи Цзинь непроницательно стоял за ним, очевидно, присматривая за ним. Но по какой-то причине, этот господин Поместья Древа Ученых с глубокой культивацией был очень бледнолицым сегодня. Казалось, что он израсходовал большое количество истинной эссенции.

Брови Чэнь Чан Шэна нахмурились, когда он догадался, что происходило.

Вдруг перед монолитной хижиной раздался звук булькающей воды.

Там не было водопада или весны. Этот звук пришел из тела Чжун Хуэя.

Звуки воды росли все громче, как будто она скоро вскипит.

Во время Великого Испытания Чэнь Чан Шэн испытал что-то подобное в Башне Очищения Пыли. Он знал, что это прелюдия к прорыву в стадию Неземного Открытия.

Он не смотрел на Чжун Хуэя, а вместо этого на Цзи Цзиня.

За время одной ночи Чжун Хуэй пересек порог Неземного Открытия. В этом должна быть причина, и бледное лицо Цзи Цзиня, скорее всего, было результатом этого.

В это время Цзи Цзинь повернулся к нему, его глаза были холодными и полными презрения.